

БОЛЬШАЯ ТЕМА И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Итак, на сцене война. Чем дальше от нас во времени великий рубеж Победы, тем отчетливее видим мы безграничность, неисчерпаемость этой темы. И сознаем нашу ответственность за художественное исследование уроков войны. Перед историей. Перед теми, кто добыл Победу. Перед теми, кому не довелось жить в суровую военную пору.

Искусство «мобилизовано и призвано» не только воспеть великий подвиг народный. И даже не только распознать, выявить истоки характера героя-победителя. Это необходимо. Но есть еще один ракурс: вскрыть социальные корни челопоказаненавистничества, чтобы показать, на какой почве прорастают ядовитые семена фашизма. Такую художественную задачу поставил перед собой Академический театр имени Я. Райниса, выбрав для постановки пьесу Мирвалдиса Бирзе «То был не последний день». Спектакль посвящен 30-летию разгрома фашизма. Постановщик — главный режиссер театра Арнольд Линый, режиссер Фалицита Эртнер, художник Андрис Меркманис.

...Это не был последний день войны. Хотя события, изображенные на сцене, произошли в мае 1945 года, в тот самый момент, когда натиск советских войск докатился до Эльбы. Горсточка людей бежит от «большевистской угрозы» на запад, ища убежища и защиты у американцев. У каждого из этих людей свои причины бегства. А вот кулаков Яниса и Марту Пушкарю гонит страх возмездия за преступления их сына Виестура — ранее айзсарга, ны-

**ПРЕМЬЕРА
В ТЕАТРЕ
ИМЕНИ
Я. РАЙНИСА**

не оберштурмфюрера СС, убийцы по призыванию и по профессии.

Программа Виестура выражена четко: «Ваше поколение, — говорит он отцу, — не убивало? Тем не менее ты породил пастушонка Арниса, когда он не угождал тебе. Вашему поколению просто не хватало последовательности. Оно считало своим единственным врагом Данию, ибо она продавала Англии масло дешевле, чем вы... Да, наше поколение жесточе. Оно действует. Оно уничтожает»...

Таков закон палачей-гитлеровцев, заливших Европу кровью, агрессоров Тель-Авива, убийц из Чили.

Автор пьесы, бывший узник фашистского концентрационного лагеря, видел этот закон в действии, испытал его силу на себе. Он ненавидит не только фашистские орды, ринувшиеся на Восток. Он знает истинную цену и соотечественникам — буржуазным националистам. Как верный сын своего народа драматург не скрывает своих симпатий и антипатий.

Однако пьеса несовершенна. Написанная давно, по горячим следам событий, еще неопытной рукой, она может показаться нам, сегодняшним, столь многое уже читавшим и видевшим за эти тридцать лет, однозначной, однолинейной. Театр взял на себя нелегкую задачу, решив прочесть ее на широком историческом фоне. Через маленькое окошко, приоткрытое пьесой, театр развернул перед зрителем картину жизни военной поры, показал мир, клокочущий от классовых противоречий. Чрезвычайно точен и выразителен визуальный образ спектакля. Переплетения рваных досок, канатов, обрывков колючей проволоки. И где-то далеко-далеко — золото латвийских берез...

Рефреном звучит погребальный хор. Он перерастает в гул орудий, перемежается стонами и криками, перерезается скрежетом железа. Грохочет ураган войны. Сочетание стилизованных, условных штрихов оформления, с беспощадной документальностью увеличенных фотосвидетельств военных лет, помогает театру выйти за рамки «частного случая», происшедшего с семьей Пушкарю.

Народная артистка СССР Лилита Берзинь в роли Марты создает образ глубоко трагедийный. Это мать, бьющаяся в тисках «христианских норм» («Не убий!»), но не обвиняющая сына-убийцу, а лишь истерзанная страхом за него, за себя, за будущее... Усталая, бездомная беженка, она продолжает призывать к милосердию, мучаясь, однако, невосполнимостью весьма земных утрат — потерей дома, коров, уюта, словом, всего того идиллического мирка, в котором она жила и который рухнул под ударами войны.

Колоритно играет кулака Яниса Пушкара народный артист Латвийской ССР Эдгар Зиле. Как затверженный урок повторяет он такие пустые, ненужные, такие оторванные от действительности фразы: «Кровопротитие — грех, надо все решать мирно, по-хорошему...» Он видит страдания, убивающие его жену, видит неверность сына, готового предать собственную семью. Но он бессилен и жалок в этом хаосе бегства. Один из так называемых «перемещенных лиц», потерявший все — землю, барыши и прежде всего Родину...

Образ сильного и опасного врага, циника до мозга костей создал Леон Криеван в роли Виестура. Айзсаргу, в сущности, безразлично, кому служить — гитлеровскому «новому порядку» или разведке западных союзников, он равно безразличен к судьбе жены Уны и втеренной Астриды. Терзания матери его не волнуют. Ему на все наплевать. Лишь бы власть, безнаказанность, деньги. Чем больше трупов, тем ближе успех к цели. Судьба сталкивает его с бывшим батраком Пушкарю — Арнисом, бежавшим из фашистского лагеря смерти. Виестур обеспокоен только одним: Арнис слишком много знает о его злодеяниях. А преступники всегда норовят убрать свидетеля с дороги. Когда Арнис умирает от ран и истощения, Виестур стреляет уже в мертвого. Для верности. Чтобы не встал из гроба.

Второй исполнитель — Айвар Силинь, пожалуй, слишком экстравагантен в этой роли и... поверхностен. Молодой артист послушно выполняет задания режиссера, не отваживаясь на большее, во всяком случае не проявляя в образ индивидуальных черт.

Тема страданий. Тема жертв фашистских застенков. Тема людей, виновных только в том, что они хотели жить и трудиться на своей земле. Людей, утративших даже имя, превращенных в арестанта номер такой-то... Эту тему решает на образе Арниса Дидзис Цауки. Хотя монологи его звучат порой несколько сентиментально, а грим утрирован, нарочит.

Вместе с Арнисом бежит из фашистского застенка юная Вия. Молодая артистка Марина Янаус, почти не имеющая текста, играет удивительно цельно, вдохновенно. Она создает образ монументальный, символический, принимая на себя главный идейный акцент спектакля.

Девушка, которую любовь привела за колючую проволоку, в лагерь смерти, бежавшая вместе с любимым, чтобы поддержать его, спасти, полужелтого, полубезумного, не узнающего ее, — эта девушка прошла школу не только страдания, но и мужества. Случайно ли прямая, как струна, прекрасная девичья ее стать напоминает облик Зои Космодемьянской? Эта молчаливая девушка утверждает духовную стойкость. И силу, которая недаром приводит в трепет выходцев из старого мира. В глазах Вии, схоронившей здесь, на чужбине, свою молодость и своего любимого, — уверенность, что свершится справедливый суд истории.

— Я буду говорить правду. Только правду. Всем. Только правду!

Эти гордые слова становятся кульминацией спектакля. Он поставлен для того, чтобы, почтив скорбным молчанием павших, каждый из нас мысленно дал клятву верности той Правде, ради которой страдала, за которую боролась латышская девушка с огромными глазами Зои Космодемьянской.

Ольга МАКАРОВА.
РИГА.